

Цветы для Марселя Марсо

Зуфар Тимаев

встречи

23 сентября 2007 года, на 85 году, ушёл из жизни великий французский мим Марсель Марсо – обладатель премии Гаспара Дебюро и нескольких премий «Оскар», лауреат Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве, почётный председатель международных фестивалей пантомимы, кавалер и командор ордена Почётного Легиона Франции.

Искусство пантомимы, появившееся в эпоху Древней Греции и Рима, артист возродил в двадцатом веке, решив после второй мировой войны «завоевать мир молчанием». И с тех пор ему рукоплескали зрители пяти континентов, более чем 60 стран.

Зуфар Гимаев окончил Казанское художественное училище и Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Репина. Председатель правления Союза художников Татарстана, лауреат премии им. Б. Урманче и Государственной премии Республики Татарстан им. Г. Тукая. Мастер спорта СССР

В его честь Парижский монетный двор выпустил золотую медаль. Марсо был оптимистом и верил, что человечество – это всегда яркая точка в океане Вселенной. Когда один из западных журналистов спросил его, какое ему дело до «звёздных войн», он ответил «Я – за звёздный мир». Еще в юности ему пришлось многое пережить. Шестнадцатилетним пареньком он переправлял через Альпы в Швейцарию детей из семей, преследуемых фашистами. Подделывал документы и хлебные карточки для тех, кто подлежал отправке в трудовые лагеря Германии. Гибли его товарищи, нацисты в газовой камере убили его отца.

Занимаясь конспиративной работой, Манжель принял имя, спасшее ему жизнь, – Марсо. Его носил молодой республиканский герой времен Великой французской революции. Пережитое не помешало искусству артиста остаться оптимистичным, бурлескным. Много образов создал мастер. Среди них и Бип – знаменитый персонаж лирических и философских, грустных и весёлых пантомим.

Наверное, никто, кто с ним соприкасался на сцене или в другом месте, не оставался к нему равнодушным. Просто влюблялся в него и на всю жизнь. Я один из тех счастливичков, чьи пути хоть как-то пересекались на жизненном пути с этим великим артистом и человеком. В 1970 году я поступил в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. И, наверное, волею судьбы попал в одну из Ленинградских студий пантомимы, которой руководили братья Михаил и Григорий Гуревичи.

Будучи учащимся Казанского художественного училища, вечерами я занимался силовой акробатикой, и наша четверка доросла до уровня мастеров спорта. Но у меня было ещё одно увлечение – пантомима. Когда я учился на третьем курсе, в училище случайно забрёл Леонид Енгибаров (известный советский мим и клоун). Помню весенний, яркий, солнечный день. У нас должен был состояться классный час, но лектор в этот день не пришел, и многие ребята разбрелись. В это время наша заведующая учебной частью заметила в вестибюле постороннего человека. Но когда она узнала, что он артист Московского цирка, приехавший на гастроли в Казань, попросила его рассказать о своей работе. Мы услышали много интересного о пантомиме, которая для меня стала одной из любимых видов искусства.

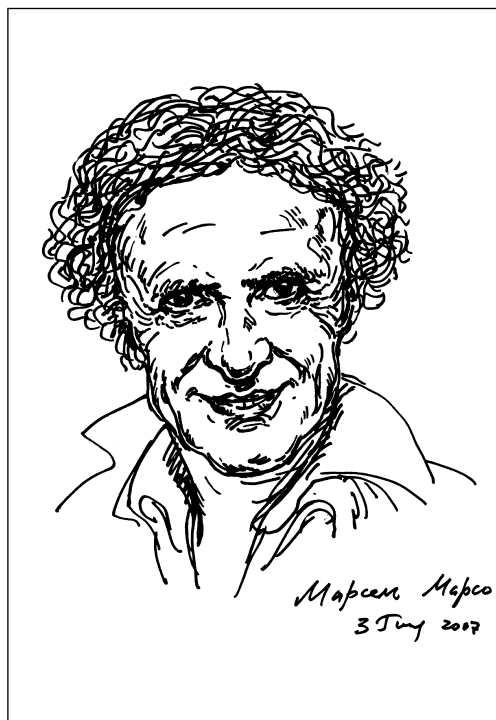
В Ленинграде я еще по инерции вечерами искал секцию акробатики. И нашёл такую секцию в институте им. Лесгафта. Целый год вечерами ходил на акробатику. Главный тренер иногда

ставил меня в пример некоторым спортсменам, к тому времени уже завоевавшим себе титулы чемпионов СССР, чем погружал меня на долгие минуты в смущение. Как-то тренер спросил о моих планах после окончания Академии художеств. Я сказал, что вернусь в Казань, чем подписал себе приговор. Тренер потерял ко мне интерес.

Однажды на втором курсе, во время перерыва, я развлекал ребят и девчат разными мимическими миниатюрами. Ко мне подошла одна девушка по имени Марина, посещавшая наши занятия живописью как вольный слушатель. Она мне и предложила пойти в студию пантомимы, где сама занималась. Вечная нехватка мальчиков. И я решился.

Прощай, спорт. Здравствуй, пантомима. Сначала я занимался у Михаила Гуревича, а позже влился в группу, которой руководил Григорий Гуревич. Все студийцы любовно называли его Гри-Гуром. Меня приняли как своего. Наверное, сказалось спортивное прошлое. Мне легко удавались сложные элементы. Работал Гри-Гур по системе Марселя Марсо, с которым был в давней дружбе. Еще в 1960-х годах подружились они во время совместных гастролей с театром Аркадия Райкина, где принимал участие и Гриша. Первое отделение Аркадий Райкин, второе – Марсель Марсо. Или наоборот.

И вот в 1973 году из Франции на гастроли в Ленинград приехал Марсель Марсо – звезда и легенда мировой пантомимы. На все его выступления (а их было пять) мы пробирались, изыскивая любые возможности. Полный аншлаг. Билетов не было. Актёр, мим, выходя на сцену, лишённый декораций, аксессуаров и партнёров, в процессе своей игры (и только посредством своей игры) воссоздавал целый мир. Этот мир возникал для зрителей словно иллюзия, словно галлюцинация, и существовал на сцене лишь до тех пор, пока актёр активно взаимодействовал с воображаемыми предметами и персонажами этого мира. В свободные от выступлений

вечера нам посчастливилось ближе познакомиться с гением пантомимы. Марсо, по приглашению своего давнего друга Гри-Гура, согласился прийти к нам в студию и провести несколько мастер-классов. Это были незабываемые вечера.

В первый раз, когда он пришёл, а занимались в Доме культуры им. 1-й пятилетки, мы специально для занятий выпросили у дирекции балетный зал. Были приглашены и другие ленинградские студии. Что творилось в тот вечер? Было ощущение, что все жители Питера решили уместиться в этом балетном зале. Милиция была бессильна. Мне даже пришлось спасать одного молодого лейтенанта милиции. Он лежал на полу ничком, в шинели, укрывая голову руками. А по нему, затихшему почему-то, шли и шли люди. На секунду мой страшный окрик (как мне самому показалось – не зря занимались актерским мастерством), а я был еще и в мимическом костюме, остановил обезумевшую толпу. Я успел выхватить милиционера из-под ног и прижать его

к стенке с просьбой не принимать никаких действий, чтобы не быть затоптанным. До сих пор перед глазами следы подошв на его серой шинели. Зал быстро переполнился, а мы, прижавшись друг к другу и окружив Марселя Марсо, стояли и не знали, что делать. И только когда переводчица после короткого выступления Марсо сказала, чтобы освободили помещение, что он пришёл на занятия со студийцами и что он обязательно встретится с ленинградцами на другой день в Доме самодеятельности, где очень большой зал, народ потихоньку рассосался.

И вот первый мастер-класс, проводимый Марселем Марсо со студийцами ленинградских школ пантомимы. Марсо стоит в центре круга и показывает упражнения один сложнее другого. Мы, замороженные, повторяем за ним каждый новый элемент. Он удивлён, у нас всё получается с первого раза. Мастер что-то говорит на французском языке, и переводчица доводит до нас его слова. Он хоть сегодня готов взять любого из нас в свою труппу. Настолько мы подготовлены. Все засмеялись. Наш Гри-Гур на немецком языке (Марсо хорошо знал и немецкий) объяснил ему, что мы давно уже занимаемся по его системе. Наконец он решил показать нам новый шаг (я сразу назвал это про себя шагом Марселя Марсо). Он заметил в одном месте ошибку и подошёл ко мне. Я собрал всю свою волю, чтобы не выдать свое возбуждение и волнение. Он стал поправлять меня, успокоил, сказав, что получится, и отошёл в центр. И у меня получилось. Он вытянул руку и показал мне большим пальцем, который у него сильно прогнут (знак волевого человека), что я молодец. В эти минуты я был переполнен счастьем.

За эти дни встреч с Марселем Марсо мы все без исключения были влюблены в него. Порядочность, чистота помыслов, положительная аура. Любой экстрасенс увидел бы исходящее от него золотое свечение.

В день отъезда Марселя Марсо

наша студия решила его проводить. Собрались на вокзале. Приближалась зима, и было холодно. Верочка Андрианова предусмотрительно взяла с собой горячий кофе в термосе и фарфоровую кружку с ручкой. Никогда не забудется интересная сценка, произошедшая в эти минуты. Марсо стоит на подножке вместо проводницы (она в тамбуре за ним), одной рукой держится за поручень, а в другой белая узкая кружка с остывшим кофе. Вдруг состав дернулся, и поезд потихоньку начал своё движение. Марсо мимически стал показывать, чтобы забрали кружку, протянув руку в нашу сторону. Мы машем руками, не надо. Но тут произошло такое!

Марсо чуть присел и подбросил кружку в сторону Верочки.

Она очень пластично и красиво попала двумя пальцами правой руки в ручку и немного присела, чтобы не выплеснуть со дна кружки ни капли кофе, потом выпрямилась и, широко улыбаясь, замахала другой рукой Марселя Марсо. Он своей очаровательной улыбкой, немного с грустинкой, прощался с нами, вытянув в нашу сторону руку с зажатыми в кулак пальцами, кроме приподнятого вверх большого, как бы говоря Верочке: «Молодец, ловко сработано. Прощайте, друзья!».

1980-е годы. Работаю в мастерской. Работает и радио «Маяк». Вдруг слышу. В Москву на гастроли приехал Марсель Марсо. Бегу на вокзал, благо с билетами раньше было проще и дешевле. И вот я возле театра Эстрады. Народу... Не пробраться. Впервые в жизни не смог попасть в театр. Расстроенный, плетусь на вокзал. Все мысли о Марсо.

В вагоне ещё не спали. Работал всё тот же «Маяк». Вдруг сообщают, что со сцены театра Эстрады срочно был увезён в Боткинскую клинику известный французский мим Марсель Марсо. Прободение желудка. Возможен смертельный исход. Врачи борются за жизнь. Так и не уснул до самой Казани. Несколько дней пытался что-то узнать о Марсо. И вот первая радостная весть. Жив! Его

молодой сын Батист на другой день сопроводил отца на президентском самолете Франции в Париж.

В первом же интервью для советских читателей Марсель Марсо благодарил наших врачей, которые оказали ему первую помощь и практически спасли ему жизнь. Обещал после выздоровления приехать в Союз на гастроли. Но этому не суждено было случиться.

В 1989 году с женой Гузель и маленьким сынишкой Анваром я поехал в Берлин. Там живёт мой братишка Шамиль, и у него уже гостил наш давний друг ленинградский актёр и мим Ильяс Хасанов. Они встретили нас на вокзале с заранее подготовленным сюрпризом, особенно для меня. У них были билеты на выступление Марселя Марсо.

Германия объединилась. Берлинская стена разрушена. И в эти знаменательные дни приезжает на гастроли великий мим. Мы большой компанией: я с женой и сыном, братишка с женой Уте и Ильяс Хасанов идём на Марселя Марсо. По дороге приобрели большую охапку цветов. Уте поровну поделила

их на несколько частей. Получились красивые букеты. После первого отделения мой сынишка заснул на руках у жены. Я ему говорил по-татарски: «Йоклама, улым. Кайчан тагын курерсең шундый танылган артистны?» («Не спи, сынок, когда ещё увидишь такого известного артиста?») Но дальняя дорога и смена часового пояса сделали своё дело. После выступления Марселя Марсо мы были единственные, кто преподнёс ему цветы. На ломаном немецком языке я спросил, не помнит ли он меня? Он отрицательно закачал головой: нет. Но когда я сказал лишь два слова, Ленинград и Гри-Гур, он радостно закивал мне. Зрительная память у художников бывает очень хорошая. Марсель Марсо был ещё и прекрасным художником. Но это отдельный разговор.

Великий мим всего два дня гастролитировал в Берлине. На второй день мы тоже попали на его выступление. Немцы как бы очнулись. На другой день Марсель Марсо был просто завален роскошными букетами.

Рисунки автора

